

С. Н. Смольников

АКТУАЛЬНАЯ И ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ РУССКАЯ АНТРОПОНИМИЯ

The paper deals with the division of anthroponymy into two systems: actual and potential names. Their differences are apparent in their semantics, functional features, in their relationship to language and speech, in belonging to active vocabulary, and in other parameters. Potential anthroponymy is a relatively stable system. The fact that potential personal names are preserved in a language causes the continuity of anthroponymy in the historical aspect. Actual anthroponymy is not stable. It is characterized by constant development and appearance of new items. The ambiguous character of anthroponymy demands more detailed research into the specifics of personal name.

В современной отечественной науке можно встретить два типа определений антропонима, различающихся модальностью дефиниции. Широкое распространение в справочной и учебной литературе получило определение: «Антропоним – собственное имя человека (личное имя, фамилия, отчество, прозвище, псевдоним)» [см., например: Немченко, 1995, 17; Подольская, 1997, 31]. В специальном словаре терминов, составленном Н. В. Подольской, дается иное определение термина антропоним: «собственное имя, которое может иметь (разрядка наша. – С. С.) человек (или группа людей), в том числе личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криптоним, кличка, андроним, гинеконим, патроним» [Подольская, 1988, 31]. На первый взгляд такое определение антропонима отражает более узкий подход к данному классу слов, дает ему оценку только с позиции ресурсов именованного. Однако возникает вопрос: не подразумевают ли эти дефиниции термина разные языковые явления?

Постановка вопроса правомерна, поскольку система антропонимии русского языка имеет двойственный характер. Это связано с семантической противоречивостью имен собственных (далее – ИС), которая особенно часто демонстрируется исследователями на примере современных личных имен, функциональной неоднородностью антропонимической лексики, различной степенью произвольности номинации лица посредством

антропонимов разных разрядов. Двойственный характер антропонимии проявляется прежде всего в том, что существуют имена собственные, не называющие конкретных людей. «Словарь русских личных имен» Н. А. Петровского включает свыше 3 тыс. антропонимов, и ни один из них никого конкретно не называет, т. е. не выполняет номинативной и идентифицирующе-дифференциальной функций, свойственных ИС, и, следовательно, не является собственно онимом. Основное назначение данных слов – служить потенциальными антропонимами, «именами вообще», пригодными для конкретно-референтной номинации лица. Можно говорить о существовании в языке «отчеств вообще» и ряда некоторых других «антропонимов вообще».

Наблюдения над функционированием антропонимов в языке и речи, сделанные разными учеными, показывают, что по особенностям реализации номинативной и идентифицирующе-дифференцирующей функций имена собственные, относящиеся к названной группе онимов, неоднородны. А. А. Белецкий, рассуждая о противоречивости антропонимической лексики, говорит об индивидуализирующих именах (называющих единичный, единственный, неповторимый факт действительности): *Александр Македонский, Александр Сергеевич Пушкин*. Однако, «если не иметь в виду никого, идентифицируемого этой формой», имени *Александр* свойственна только «ономастическая» функция, т. е. способность быть именем собственным. Эта потенциальная функция является основным «содержанием» подобных имен [см.: Белецкий, 1972, 34].

Мысль о семантической и функциональной негомогенности антропонимии не нова для науки. Она неоднократно звучала в работах, посвященных общим теоретическим проблемам ономастики. В частности, данная идея нашла отражение в высказываниях А. Гардинера о «воплощенных» («телесных») и «развоплощенных» («бестелесных») именах собственных [см.: Gardiner, 1954, 73–74], где воплощенные имена – это имена, прикрепленные к определенным конкретным объектам (*Вильям Шекспир*), а развоплощенные – это те же самые имена вне связи с конкретным денотатом (*Вильям* – как английское имя вообще). М. И. Стеблин-Каменский, рассматривавший ИС с позиций их большей или меньшей воплощенности на материале древнеисландской ономастики, сделал важный вывод о том, что развоплощенные имена исторически вторичны по отношению к воплощенным, это явление современных европейских языков [см.: Стеблин-Каменский, 1974, 105]. К мысли А. Гардинера о воплощенности/развоплощенности ИС обращались А. В. Суперанская [1973] и В. Д. Бондалетов [1983] при обзоре различных научных концепций ИС. Отмечалась связь данной теории с учениями Т. Гоббса об общих и единичных именах и Г. Лейбница о соотношении конкретного и абстрактного в языке [см.: Бондалетов, 1983, 12–14].

Идеи А. Гардинера о двух типах имен собственных приобрели особую актуальность в отечественной ономастике последних двух десятилетий, однако глубокой теоретической разработки они не получили. Более того, немногочисленные публикации, касающиеся этой проблемы, носят спонтанный, независимый и разрозненный характер. Например, С. В. Перкас, вслед за В. Д. Бондалетовым обращаясь к оппозиции воплощенных (ИСВ) и невоплощенных (ИСН) имен собственных, рассматривает их разную реализацию в художественном тексте, уделяя при этом особое внимание метафоризации воплощенных имен. Однако характеристика этой оппозиции представлена в самых общих чертах: «ИС “воплощенные” – *Москва, Лермонтов, Европа* и т. п., носители которых более или менее хорошо известны членам данного языкового кол-

лектива; ИС “невоплощенные” – *Сергей, Мария, Иванов* и т. п., которые воспринимаются просто как ИС, могущие соотноситься с рядом индивидуальных объектов, но, в отличие от ИН, не выступающие по отношению к этим объектам в качестве обобщающего понятия. <...> ИСН типа *Сергей, Джон, Иванов, Смит* и т. д., оказавшись в тексте, обретают “плоть”, начиная именовать вполне определенного индивидуума» [Перкас, 1993, 141–143]. Очевидно, что в данном случае воплощенность ИС понимается как прецедентность и определенность онима.

Более обстоятельно проблема воплощенных и невоплощенных ИС рассматривается в связи с разработкой современной теории референции. М. А. Кронгауз, поставивший своей задачей уточнение понятия имени собственного путем описания свойств воплощенных и невоплощенных имен, описывает разные случаи их употребления в речи, в том числе и метафорические. Под воплощенным ИС М. А. Кронгауз понимает имя, «которое связано с конкретным объектом, т. е. присвоено ему», «воплощенные ИС жестко связаны с конкретным объектом, они обозначают сам этот объект или его свойства» [Кронгауз, 1987, 125–127]. Невоплощенные имена собственные, по мысли М. А. Кронгауза, абстрагированы от свойств конкретного объекта и обладают свойством «иметь имя», употребляются в речи не как обозначение конкретного лица, а как условный языковой знак, средство именования (*Меня зовут Иван, человек по имени Иван*), при этом «в экстенционал невоплощенного имени собственного входят все носители данного имени» [Там же, 133]. Однако разграничение этих групп антропонимов в работе основано на примерах, допускающих неоднозначные интерпретации. Как воплощенные рассматриваются антропонимы в следующих контекстах: *Я увидел Ивана; Она хочет выйти замуж за Ивана; Гомер существовал* и др., а в числе невоплощенных – именованная, соотносимые с конкретным, единичным носителем, но употребленные с неопределенным местоимением либо в аппозитивном сочетании: *Тебе звонил какой-то Иван; В Македонии правил в это время царь Филипп*. Оппозиция воплощенных и невоплощенных имен собственных, предложенная М. А. Кронгаузом, в итоге сводится к оппозиции определенных и неопределенных имен собственных. Отмечается, что воплощенное имя «в тексте всегда определено, причем даже тогда, когда это не обусловлено контекстом» [Там же]. Тезис о том, что названный с помощью ИС объект всегда четко определен, отграничен, очерчен (Л. Блумфилд, Л. В. Щерба, А. В. Суперанская и др.), долгое время в отечественной ономастике не подвергался сомнению. И лишь в последние годы высказываются точки зрения на имя собственное, отрицающие справедливость данного суждения [см., например: Щетинин, 1999].

Концепция ИС, учитывающая два функциональных типа – общие имена собственные и индивидуальные собственные имена, вслед за А. Гардинером, разрабатывалась П. В. Чесноковым, позднее – Л. Д. Чесноковой (в аспекте соотношения ИС и имен числительных) и их последователями [см., например: Чесноков, 1967; Чеснокова, 1996; Чабристова, 1998; Уляшева, 2001]. Разграничивая общие и индивидуальные ИС, Л. Д. Чеснокова предлагает учитывать двоякий характер их функционирования: «1) функционирование отдельных лексем в словаре (словарное функционирование) вне закреплённости за конкретным референтом и 2) функционирование в составе связной речи при условии их закреплённости за отдельным референтом» [Уляшева, 2001, 66]. Различия двух типов ИС, как справедливо отмечает исследователь, связаны с семасиологической и номинативной функциями: «Словарное функцио-

нирование имен собственных типа *Анна* сохраняет самое общее их значение – ‘женщина с именем Анна’ и семантически не дифференцирует имена *Анна*, *Мария*, *Ольга* и т. п. Функционирование имен собственных при их закреплённости за определённым референтом (в связной речи) наполняет их богатым содержанием, и слова *Анна*, *Мария*, *Ольга* дифференцируются семантически на основании самых различных признаков (по возрасту, по внешности, по характеру, по социальному положению и т. п.)» [Уляшева, 2001, 66–67]. С другой стороны, отличаясь в характере индивидуальной номинации, «общие имена собственные обладают только виртуальной индивидуальной номинацией, т. е. в них только заложена способность выполнять функцию индивидуальной номинации, но на словарном уровне эта способность не реализуется, она реализуется лишь в случае закрепления их за конкретными референтами, что проявляется в связной речи» [Чеснокова, 1996, 105]. Таким образом, противопоставление общих и индивидуальных ИС основывается Л. Д. Чесноковой на оппозиции языка и речи. В ином ключе описание общих и индивидуальных ИС представила О. Я. Уляшева, которая, рассмотрев ИС с точки зрения их определённости/неопределённости в языке и речи, выделила общие (повторяющиеся в разных именовании ИС, обладающие в языке «генерализирующей определёностью») и индивидуальные ИС (имена исторических деятелей, литературных персонажей и т. д., которые сохраняют «индивидуализирующую определёность в языке») [Уляшева, 2001, 66–67].

К разграничению двух типов антропонимов обращаются исследователи, занимающиеся проблемами двуязычной лексикографии и транскрипции иноязычных имен, ими выделяются либо единичные и общие, либо единичные и множественные антропонимы [см.: Берков, 1974, 107; Ермолович, 2001, 39]. По определению Д. И. Ермоловича, множественные антропонимы – «такие имена, которые в языковом сознании коллектива не связываются предпочтительно с каким-то одним человеком», а единичные – антропонимы, которые «также принадлежат множеству людей, но с кем-то одним связаны прежде всего. Это имена людей, получивших широкую известность». Принцип разграничения двух типов антропонимов, который заключается «в отсутствии или наличии объекта, на который антропоним указывает в первую очередь» [Ермолович, 2001, 39], выглядит достаточно субъективным.

Оригинальные идеи о функциональной неоднородности антропонимии в разное время высказывались А. В. Суперанской и Л. М. Щетининым.

Предложенная А. В. Суперанской типология ИС строилась на идеях А. И. Смирницкого о реальных и потенциальных словах, а также на работах Л. В. Щербы, описавшего лексику с точки зрения активного/пассивного запаса. А. В. Суперанская выделяет следующие группы ИС: пассивные потенциальные, активные реальные и активные потенциальные [см.: Суперанская, 1973, 216]. Чётко не очерчивая круг данных групп онимов, исследователь указывает на их различную степень известности носителям языка, принадлежность индивидуальному лексикону либо воспроизводимость «в общественном масштабе»: «субъективный фактор – известность имени для индивида – влияет на объективный – реальную принадлежность имени к данному языку» [Там же, 217].

Однако в последующих работах А. В. Суперанская ставит под сомнение признак общественной воспроизводимости как критерий отнесения ИС к определённой группе языковых единиц: «Для членов одного языкового коллектива основное ядро активной

нарицательной лексики едино (иначе была бы затруднена коммуникация). <...> Набор активно употребляемых собственных имен для каждого человека свой, индивидуальный. <...> Поскольку набор активных и даже пассивных собственных имен в отдельных социумах свой особый, общее речевое употребление их, единое для всех членов социума, невозможно» [Суперанская и др., 1986, 35–36]. Таким образом, вопрос об отношении «реальных» и «потенциальных» имен собственных к языку и речи был поставлен А. В. Суперанской, но не был однозначно решен. Выделение реальных и потенциальных имен, предложенное исследователем, не учитывало их воплощенности или невоплощенности. Противопоставляя языковую системность ИС их речевому употреблению, А. В. Суперанская утверждала: «Для системности ИС безразлично, имеет ли такое-то имя в данный момент своих живых носителей», – отмечая при этом, что «изучение календарных имен как определенной системы и изучение употребления имен в живой речи дают значительные расхождения» [Там же, 55].

В одной из работ Л. М. Щетинина предлагается понятие номеносферы (номеносферы) применительно к антропонимии. При этом разграничиваются индивидуальная номеносфера и номеносфера языкового коллектива. Внутри индивидуальной номеносферы выделяются виртуальный и актуальный слои. Понятие виртуальной антропонимии отчасти пересекается с идеей невоплощенных онимов: «Знание традиционного национального имени является виртуальным для любого русского человека, но лишь часть русскоговорящих людей в определенных условиях прибегает к его актуализации». К виртуальным отнесены и воплощенные антропонимы пассивного запаса: «Виртуальным остается большинство имен, усвоенных человеком в период учения, и имена и названия, характерные для страны, покинутой человеком при переезде на новое местожительство, особенно при эмиграции. То же относится к ономастической лексике, специфичной для профессии, оставленной человеком при перемене занятия и при других изменениях условий существования» [Щетинин, 1999, 18]. То есть виртуальными именами являются все имена, которые не находят речевой реализации в конкретный момент речи индивидуального субъекта номеносферы.

Разграничивая виртуальную и актуальную антропонимию, Л. М. Щетинин не ставит вопроса об их отношении к языку или речи. С одной стороны, отмечается, что «актуальная “номосфера” объединяет имена широкого диапазона: от тех, чьи референты лишь поверхностно знакомы ее обладателю, до имен, образующих ядро его мыслительной системы» [Там же, 22]. Утверждаемый исследователем ментальный характер виртуальной антропонимии позволяет думать о ее принадлежности к активному и пассивному языковому запасу. Одновременно с этим автор говорит о том, что «имена, актуализированные различными контекстуальными средствами, входят в актуализированную номеносферу, время существования которой ограничивается сохранением условий или средств актуализации. Прекращение действия этих условий ведет к возвращению имени в слой виртуальной ономастики» [Там же, 23]. Актуальная номеносфера носит субъективный характер и поэтому не стабильна: «на момент речи и на момент анализа она может различаться» [Там же]. В работе утверждается сугубо речевой характер актуальной антропонимии, существование которой ограничено рамками конкретного речевого акта, в то время как статус виртуальной антропонимии не уточняется.

В числе точек зрения, высказываемых по поводу рассматриваемой проблемы, заслуживает внимания позиция М. Э. Рут, которая, размышляя о семантике антропони-

мов, говорит о необходимости разграничения «антропонимов вообще» и «личных имен». «Антропонимы вообще», существующие вне конкретного денотата, не являются личными именами собственными, «поскольку здесь отсутствует главное свойство имени собственного – способность индивидуализации» [Рут, 2001, 62]. В числе наиболее существенных различий «антропонимов вообще» и «личных имен» отмечается: «антропоним сам по себе» не имеет реального значения, его семантика определяется общенародными культурными коннотациями, а личное имя конкретного человека обладает отсоциумным денотатом и отсоциумным коннотатом, семантика личного имени определяется закрепленностью его за конкретным членом социума; личное имя, в отличие от антропонима, являющегося принадлежностью языка, существует в социолекте, и чем уже социум, тем ярче особенности функционирования онима [см.: Там же, 63–64]. Оставляя в стороне рассуждения об удачности терминов, использованных для обозначения двух групп антропонимов, отметим, что М. Э. Рут очень точно охарактеризовала признаки этих групп, раскрыла сущность семантической противоречивости антропонимической лексики.

Понятие потенциального имени собственного, предлагаемое в настоящей работе, несколько отличается от закрепленного лингвистической традицией представления о потенциальной лексике. В отечественной науке потенциальные слова рассматриваются в одном ряду с окказионализмами и словами активного и пассивного запаса по признаку отношения к языку и функционированию в речи [см.: ЛЭС, 1990, 260]. К проблеме потенциальности/реальности слова, поставленной А. И. Смирницким, обращались многие исследователи [см., например: Немченко, 1995, 204–205; Маноли, 1986]. Согласно существующим определениям в словарях и справочниках, потенциальные слова – окказиональные слова, т. е. слова, которые уже созданы, но еще не закреплены языковой традицией словоупотребления, или слова, которые могут быть созданы по образцу существующих в языке слов. Отмечается, что вне контекста они перестают быть словами. Именно в этом ключе решалась проблема реальности/потенциальности имен собственных в работах А. В. Суперанской. Другое понимание потенциальных слов предлагалось при изучении фразеологии. При данном подходе к потенциальным словам относятся лексические единицы с ослабленными и конструктивно связанными значениями, обычно в составе устойчивых сочетаний, например: *закадычный друг*, *потупить голову* и др. (А. А. Архангельский, О. С. Ахманова, В. В. Виноградов и др.). В. В. Виноградов отмечал, что потенциальные слова «лишены прямой номинативной функции и существуют в языке лишь только в составе тесных фразеологических групп. Их лексическая отдельность поддерживается лишь наличием словообразовательных родичей и слов-синонимов» [Виноградов, 1977, 158].

Предлагаемая концепция потенциальности имени собственного созвучна идеям функциональной грамматики. Понимая под функцией реализуемое назначение языковой единицы, А. В. Бондарко предлагает различать два типа функций языковых единиц: функции-потенции (Фп) и функции-реализации (Фр). Первые обуславливают возможное (допустимое) употребление языкового знака, характеризуют его назначение. Второй тип функций связан с той реальной ролью, которую играет единица языка в высказывании. Данные функции соотносятся между собой как причина и результат; «Фп превращается в Фр (Фп → Фр) в процессе мыслительно-речевой деятельности говорящего» [Бондарко, 2001, 341]. При определении потенциальности имени собственного необходимо учитывать не столько его узальность/окказиональность, активность/пассивность,

хотя они, несомненно, важны, сколько степень реализации тех функций, которые предписаны ИС языком.

Таким образом, для одних единиц данного множества свойственна реализованная номинативная функция (актуальные антропонимы), для других она остается потенциальной. Представляется очевидным, что система актуальных антропонимов как конкретно-референтных языковых знаков в языке противопоставлена системе потенциальных антропонимов. И поэтому они должны рассматриваться с разных позиций, учитывающих специфику единиц этих множеств.

Требует некоторых замечаний и термин актуальная антропонимия. Актуализация антропонима, вслед за В. И. Болотовым [Болотов, 1970], в отечественных работах по ономастике обычно понимается как особое употребление ИС в речи, устанавливающее или раскрывающее его конкретно-референтную отнесенность. Л. М. Щетинин связывает актуальные ИС с категорией определенности онимов, понимая под актуализацией «отсечение всех неактуальных связей имени» [Щетинин, 1999, 161]. По мнению Л. М. Щетинина, актуализация имени достигается средствами контекста, к которым относятся дейктические слова, широкий контекст, повторы, эксплицитные описания (непосредственный речевой контекст), жесты, мимика (динамический контекст), исторические, литературные, традиционные ассоциации имени (энциклопедический контекст), грамматические средства актуализации, порядок слов, детерминаторы (грамматический контекст) и др. [см.: Там же].

В данной работе термин «актуальная антропонимия» понимается более широко. Под актуальными антропонимами подразумеваются референтные имена собственные, для которых связь с именуемым лицом остается актуальной для носителей языка (или их отдельной группы) независимо от употребления имени в контексте. Не контекст формирует референцию антропонима, а антропоним, имея референцию, «выбирает» тот или иной контекст употребления. Термин реальная антропонимия применительно к данному разряду онимов представляется не вполне точным. Потенциальные имена также реально существуют в языке, и этот признак не является определяющим для рассматриваемой оппозиции. Таким образом, актуальная антропонимия – это система конкретно-референтных собственных именованных, актуальных для носителей языка и употребляемых в речи для обозначения индивидуальных объектов.

Разграничивая два типа антропонимов, исследователи обращают внимание на следующие их признаки: языковой/речевой характер, семантическая специфика, наличие/отсутствие (или единичность/множественность) референции (экстенциональная семантика), определенность/неопределенность номинации, отношение к общенародному языку, степень известности и «общественной» воспроизводимости, специфика переносного употребления.

Сопоставление свойств потенциальных и актуальных антропонимов позволяет рассматривать в числе их главных отличительных черт семантическую специфику. Для одних исследователей точкой отсчета является потенциальное имя, другие оперируют представлением об актуальных именах.

Вопрос о языковой семантике ИС долгое время определялся тем, что собственно языковыми антропонимами считались только потенциальные личные имена, которые и являлись мерилем семантики антропонима и всей онимической лексики в целом, поскольку для человеческого сознания «подлинное собственное имя, собственное имя

по преимуществу есть антропоним. Остальные имена собственные как бы уподобляются антропонимам или приравниваются к ним» [Белецкий, 1972, 161]. На представлениях о значении потенциальных ИС строилась концепция семантически ущербных языковых знаков, «пустых имен», «ярлыков», «этикеток». Критикуя концепцию Дж. Ст. Милля, О. Есперсен справедливо отмечал: «Милль и его последователи слишком много внимания уделяли тому, что можно назвать словарным значением имени» [Есперсен, 1958, 71].

У потенциальных антропонимов не проявлена номинативная функция и нет конкретно-референтной отнесенности. В силу этого их семантика существенно отличается от значения актуальных антропонимов. В структуре значения таких слов на первый план выдвигается модальная семантика возможности, потенциальности (имя *Иван* может носить любой русский человек, но в действительности не каждый русский человек носит имя *Иван*). Более частные семы связывают антропоним с определенным разрядом ИС, денотат потенциального имени – ‘слово’, ‘знак’, ‘имя’ в ряду подобных знаков. Для потенциальных антропонимов характерна классификационная семантика, обусловленная генерализацией представлений о носителях имени и ограниченная несколькими семами (например, ‘человек’, ‘мужчина’, ‘русский’).

Потенциальные и актуальные антропонимы имеют общий набор сем (‘имя’, ‘лицо’, ‘пол’, ‘национальность’ и др.), но их иерархия различна. Денотатом актуального антропонима является не слово, обладающее теми или иными потенциями, а человек, лицо. Архисема выявляется в сочетании ИС с лексемой-классификатором. По словам М. В. Всеволодовой, функционирование ИС в речи проявляется в закономерности их сочетаемости с родовыми словами и в степени обязательности классификаторов при ИС [см.: Всеволодова, 2000, 52]. Для потенциальных имен в современном языке классификатором является слово *имя* (vs. *фамилия*, *отчество* и др.). В семантике этих имен на первый план выходит идея знаковости, связанная с основной функцией данных слов в языке – быть потенциальным именем собственным определенного разряда.

Актуальные антропонимы могут употребляться в аппозитивном сочетании с нарицательным именем – чаще всего обозначением лица (*царь Филипп, поэт Пушкин*). В некоторых случаях (обычно в ситуации знакомства или представления человека) при актуальном антропониме могут использоваться два родовых слова (*девочка по имени Лида*), функцию классификатора из них выполняет обозначение лица. Это не позволяет согласиться с теми исследователями, которые считают подобные употребления онимов невоплощенными ИС. Подобные контексты, видимо, следует рассматривать как контексты идентификации – установления говорящим соответствия имени конкретному предмету при операции именнаяречения или представления. Актуальность (воплощенность) антропонима не утрачивается, а, наоборот, подчеркивается (*Лида – это девочка с определенным именем Лида; эта девочка и есть Лида*).

Отдельного рассмотрения требуют случаи развоплощения актуальных имен, когда имя намеренно отстраняется говорящим от его носителя. При этом сочетанием с апеллятивом-классификатором подчеркивается его знаковый характер (*Я читаю поэта по имени Гомер, Я не знаю художников с фамилией Юон*). Развоплощенное употребление актуального антропонима не означает его перехода в число потенциальных имен – слово сохраняет свою конкретно-референтную отнесенность. То есть можно утверждать, что оппозиция потенциальных и актуальных имен не повторяет противопоставление воплощенных/невоплощенных/развоплощенных имен собственных, а существенно отличается от него.

Потенциальные и актуальные антропонимы имеют разную способность к семантическому переносу (вторичной номинации), «воплощаются» в речи по-разному. Классификационное значение потенциальных имен способствует тому, что в речи они могут воплощаться в качестве условных (неиндивидуализирующих) имен, когда «ИС обозначает общую категорию людей с детализацией пола, национальности и пр.» [Шмелев, 2002, 50]: *Каков Савва, такова ему и слава; На бедного Макара и шишки валяются; У Мирона детки Миронычи, у Ивана – Иванычи* и т. д. При таком употреблении условные имена способны сочетаться с обобщающими местоимениями *все, всякий, каждый, любой*: *Всяк Еремей про себя разумеи; У всякого Федорки свои отговорки* и др. [Там же, 126]. Способность развивать классификационное значение в истории антропонимии была свойственна и потенциальным некалендарным именам. Примером может служить одно из самых активных некалендарных имен – *Богдашко (Богдан)*, которое использовалось для именованья младенца до крещения. По свидетельству В. И. Даля, в языке XIX в. имя употреблялось в качестве нарицательного слова со значением ‘общее название всех некрещеных еще младенцев обоого пола’: *«Некрещеный богдашка, дразнят ребят»* [Даль, 1, 102].

Семантика актуальных антропонимов, определяемая конкретными признаками конкретного лица, создающими коннотацию имени, мотивирует возможность их метафорического и метонимического употребления или использования в качестве прецедентных имен. Ядро значения прецедентных имен составляют дифференциальные признаки (внешность, характер, ситуация: *Пеле нашего двора, Мегрэ в юбке* и др.), а периферию – «атрибуты имени», тесно связанные с означаемым лицом, но недостаточные для сигнификации (кепка *Ленина*, бакенбарды *Пушкина*, усы *Гитлера*, френч *Сталина* и т. п.) [см.: Красных, 2002, 79–99]. Генерализация одного из признаков лица способствует плюрализации актуального антропонима для создания метафорической номинации группы сходных объектов («Мы все глядим в *Наполеоны*»; «*Может собственных Платонов* и быстрых разумом *Невтонов* Российская земля рождать» и т. п.). Метонимический перенос в сфере актуальных антропонимов (например, «автор – произведение/творчество») связан в первую очередь с процессами семантико-синтаксического, контекстного, ситуативно-речевого плана (ср.: «Из *Листа* и *Шопена* вместе вырос *Скрябин*»; «Кроме *Хомякова* и *Самарина*, нечего в руки взять» и другие примеры) [см.: Василевская, 1981, 156–166].

Другим значимым дифференциальным признаком актуальных и потенциальных антропонимов является отношение к языку и речи. В науке существует традиция рассмотрения антропонима как языкового знака, лишённого семантики и конкретно-референтной отнесенности, и его речевых реализаций, при которых устанавливается отношение имени собственного к единичному предмету. Традиционным является противопоставление антропонимии в языке и антропонимии в речи, констатация этого соотношения может быть обнаружена в любом научном исследовании, затрагивающем теоретические проблемы изучения имен собственных. Однако оппозиция потенциальных и актуальных антропонимов не повторяет этого соотношения и, в известном смысле, разрушает его. И потенциальные, и актуальные антропонимы могут являться единицами языка, и те и другие могут употребляться в речи.

Потенциальная антропонимия целиком относится к сфере языка. В русском языке границы системы потенциальных антропонимов строго определены. В нее входят през-

де всего личные имена, достаточно хорошо представленные современными словарями русских личных имен. Главной целью лексикографов является фиксация, сохранение и поддержка существующих традиций именования. Кодификации подверглась большая часть модификатов личных имен, которые употребляются в качестве стилистически окрашенных номинативных вариантов личного имени (*Константин – Костя, Дмитрий – Дима, Димуля, Митя, Митенька, Митек* и др.). Потенциальный характер имеют современные отчества, которые не создаются каждый раз заново, а воспроизводятся в готовом виде, закреплённом в языке (*Михайлович*, а не *Михаилович*; *Яковлевич*, а не *Яковович*; *Кузьмич*, а не *Кузьмович* и т. д.).

Тенденция развоплощенного восприятия имен собственных, свойственная современному русскому языку, находит отражение и в научных исследованиях. Ср., например: «Особенность именника крестьянок старой России, а в XVIII в. и горожанок – ничтожное количество имен, употребленных единично. <...> Из городов несколько обособленнее в этом отношении оказался Великий Устюг, где нашлись *Иуалентина (Валентина), Лукия, Маргарита, Поликсена*, имена, очень редкие в России того времени» [Никонов, 1971, 125]; «Имена *Курбат* и *Шаран*, по-видимому, попали к русским от тюрок, а к тем – от арабов» [Суперанская, 1998, 19] и мн. др.

В отличие от потенциальных антропонимов, имеющих закрепление в языке, актуальные антропонимы могут являться как фактами языка, так и фактами речи. Представляется очевидным, что многие актуальные антропонимы воспроизводятся в речи, уже имея референтную отнесенность, а не приобретают эту связь, устанавливаемую каждый раз заново в том или ином речевом контексте. Это говорит об их узуальном характере: «Каждый знает (разрядка наша. – С. С.) имя героического лейтенанта Черноморского флота Петра Петровича Шмидта, композитора Петра Ильича Чайковского, русских флотоводцев Степана Осиповича Макарова, Федора Федоровича Ушакова и многих других выдающихся людей прошлого» [Сулова, Суперанская, 1991, 123].

В системе актуальной антропонимии от собственно языковых антропонимов отличаются речевые антропонимические номинации. Они не имеют закрепленности в языке, устойчивой воспроизводимости. Функционирование таких номинаций ограничено рамками одного высказывания или текста, а также группы текстов, которые базируются на нем и воспроизводят (цитируют) антропоним или антропонимическое сочетание в том же виде. Создание и употребление речевых номинаций связано с нарушением социальных конвенций об именовании лица, преследует цель выражения субъективного отношения к именуемому («отношусь не так, как все – называю не так, как все»). Например, не имеют потенциального характера (способности к именованию любого индивида, носящего определенное имя) окказиональные эмотивные и экспрессивные словообразовательные варианты личных имен, образуемые в речи по моделям апеллятивных экспрессивов, например, с суффиксами *-енок (Катенок, Никитенок)*, *-еньши (Катеньши, Клартеньши)* [Вежбицкая, 1996, 136–137], *-енциј- (Катенция, Натуленция, Светуленция)*, *-ин (Андрюшечкин, Светочкина)*, как правило, не отражаемые в специальных словарях, фиксирующих производные личные имена в современном языке. Большое количество подобных примеров описано Е. Ф. Данилиной, например: *Майя – Маёнок, Маёньши, Маина, Майна, Майонез, Майча, Майчик, Маюся, Ямайка; Людмила – Людана, Людастая, Людодня, Людуня, Люма, Люмаша, Люмок, Люсевна, Люсенция, Люсча, Люсяка* и др. [Данилина, 1969, 150].

Современная официальная антропонимия, употребляемая в деловой сфере, закреплена в языке и имеет узуальный характер. Официальный (трехчленный) антропоним современного русского языка обладает всеми признаками слова: имеет единую номинативную функцию, обладает тесной спаянностью структурных элементов, непроницаемостью. Речевые номинации в современной антропонимии производятся на базе официального (документального) именованя лица и имеют то же денотативное и референтное значение, а потому могут рассматриваться как стилистические модификации именованя (например: *Черемисина Лидия Ивановна – Лидия – Лидуха – Лидия Ивановна – Черемисиха* и др.). Идентификация таких и подобных антропонимов и антропонимных сочетаний в современном языке предполагает их соотнесение с документальным трехкомпонентным именованем.

В настоящее время наблюдается тенденция к «развоплощению» русских фамилий. Утрата референтной закреплённости и переход в разряд условных языковых знаков вызваны несколькими факторами: фиксацией «фамилий вообще» специальными словарями, активным развитием искусственной номинации в сфере фамилий (литературные «вымышленные» онимы, псевдонимы), возможностью менять, придумывать новые фамилии. Переход «типичных» фамилий в разряд потенциальных антропонимов – явление позднее, характерное для современного языка. Отдельные фамилии полностью перешли в число потенциальных (вспомним знаменитую тройку *Иванов, Петров, Сидоров*).

Потенциальная и актуальная антропонимия имеют разное отношение к активному и пассивному запасу лексики. Потенциальные антропонимы, а также развоплощенные имена собственные, например прозвища, фамилии, могут оцениваться с точки зрения частотности их использования в качестве ресурсов именованя. Именно к системе потенциальных личных имен применимо слово *репертуар*, определяющее частотность употребления антропонимов для именованя человека. Многочисленные исследования имен «массового», «широкого» и «ограниченного» употребления используют количественно-статистические методы (В. Д. Бондалетов, Л. М. Щетинин, В. А. Никонов, А. В. Сулова, А. В. Суперанская и др.). Специфической чертой потенциального именика, который может оцениваться с позиций активного и пассивного запаса, является частота употребления в именованях разных лиц. Признак частотности как показатель стратификации системы не применим к актуальной антропонимии. Количество употреблений актуальной номинативной единицы характеризует только степень ее устойчивости и в некоторых случаях может служить основанием для разграничения языковой и речевой антропонимии.

Потенциальное имя пассивного запаса может оцениваться как «старое», «устаревшее», «новое» и т. п. Это связано с очень медленным темпом развития системы потенциальных имен в языке. Потенциальная антропонимия представляет собой относительно стабильную, статичную систему. Сохранение в языке потенциальных личных имен обуславливает преемственность антропонимии разных исторических эпох. Актуальная антропонимия более динамична. Официальная антропонимия как лексическая подсистема русского языка имеет нестабильный характер, ей свойственно постоянное обновление. Появляющиеся новые актуальные антропонимы функционируют в языке социальных групп, часть из них становится достоянием общенародного языка (имена общественных деятелей, известных личностей и т. д.). Она также может характеризоваться с позиций активного и пассивного запаса, но это определяется не частотностью, предпочтительностью выбора данной номинации лица, а степенью актуальности пред-

ставления о конкретном референте для носителей языка, регулярностью употребления актуального антропонима в речи. Утрата актуальности антропонима равнозначна ограничению его употребления и постепенному исчезновению из языка. По данному признаку актуальные антропонимы несколько отличаются от потенциальных. Среди них можно выделить антропонимы-историзмы (*Иван Грозный, Димитрий Самозванец, Никита Сергеевич Хрущев*).

Таким образом, обращаясь к анализу антропонимического материала, следует иметь в виду не одну систему имен собственных определенного разряда, а две самостоятельные подсистемы, которые по-разному организованы, имеют разные тенденции и направления развития, а потому не могут описываться с одних и тех же позиций. Актуальные и потенциальные антропонимы связаны сложными отношениями, которые требуют специального рассмотрения.

-
- Белецкий А. А.* Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев, 1972.
- Берков В. П.* Вопросы двуязычной лексикографии: (Словник). Л., 1973.
- Болотов В. И.* Актуализация антропонимов в речи (на материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1970.
- Бондалетов В. Д.* Русская ономастика. М., 1983.
- Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.
- Василевская Л. И.* Синтаксические возможности имени собственного (метонимический перенос у антропонимов) // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М., 1983. С. 156–166.
- Вежбицкая А.* Личные имена и экспрессивное словообразование // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц // Лексикология и лексикография: Избр. тр. М., 1977. С. 140–161.
- Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М., 2000.
- Гак В. Г.* Лексикология // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 260.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955 (воспроизв. 2-го изд. СПб.; М., 1880–1882).
- Данилина Е. Ф.* Категория ласкательности в личных именах и вопрос о так называемых «сокращенных» формах имен в русском языке // Ономастика. М., 1969.
- Ермолович Д. И.* Имена собственные на стыке языков и культур. М., 2001.
- Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
- Красных В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М., 2002.
- Кронгауз М. А.* «Воплощенное» и «невоплощенное» имя собственное: некоторые аспекты референции // Экспериментальные методы в психоллингвистике. М., 1987. С. 118–135.
- Манолу И. З.* Потенциальное слово стилистического назначения и функциональный стиль // Функционально-стилистика: аспекты языковых единиц разных уровней. Романо-германская филология: Межвуз. сб. Кишинев, 1986.
- Немченко В. М.* Основные понятия лексикологии в терминах: Учеб. слов.-справ. Н. Новгород, 1995.
- Никонов В. А.* Женские имена в России XVIII в. // Этнография имен. М., 1971.
- Перкас С. В.* Имена собственные и нарицательные в слове и художественном тексте // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 25. Ономастика. Ч. 1. Имя и культура. М., 1993. С. 141–143.
- Подольская Н. В.* Антропонимика // Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд. М., 1997.

- Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М., 1988.
- Рут М. Э.* Антропонимы: размышление о семантике // Изв. Урал. гос. ун-та. 2001. № 20. [Сер.] Гуманитарные науки. Вып. 4. С. 59–64.
- Стеблин-Каменский М. И.* Древнеисландская топономастика как материал к истории имени собственного // Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. Л., 1974.
- Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М., 1973.
- Суперанская А. В.* Словарь русских личных имен. М., 1998.
- Суслова А. В., Суперанская А. В.* О русских именах. Л., 1991.
- Суперанская А. В. и др.* Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов. М., 1986.
- Уляшева О. Я.* Значение определенности – неопределенности у имен собственных в системе языка и в речи // Функционально-семантический аспект единиц русского языка: Межвуз. сб. науч. ст.: Памяти докт. филол. наук, проф. Лилии Дмитриевны Чесноковой посв. Таганрог, 2001. С. 65–69.
- Чабристова Е. В.* Индивидуально-номинативная функция имен числительных как основа их функционирования в роли имен собственных (на материале современного русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 1998.
- Чесноков П. В.* Слово и соответствующая ему единица мышления. М., 1967.
- Чеснокова Л. Д.* Имена числительные и имена собственные // Филол. науки. 1996. № 1. С. 104–113.
- Шмелев А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
- Щетинин Л. М.* Актуальные вопросы прикладной ономастики. Ростов н/Д., 1999.
- Gardiner A.* The theory of proper names. L., 1954.

* * *

Сергей Николаевич Смольников – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Вологодского государственного университета.